

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040029

«Пролетарский эпизод» в литературном процессе 1920-х годов: случай Саратова

© 2024 г. А. В. Хрусталева

Доктор филологических наук,
доцент Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83
ORCID ID: 0000-0001-9015-2523
tevlin1982@mail.ru

© 2024 г. Д. С. Московская

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
заместитель директора по научной работе,
заведующая Отделом рукописей
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-8089-9604
darya-mos@yandex.ru

Резюме. Своеобразие литературного процесса в Саратове периода нэпа было связано с небольшим региональным бюджетом, медленной скоростью распространения документации и отсутствием четких политических указаний со стороны партийных и цензурных органов в отношении литературы вплоть до середины 1920-х годов, поскольку культурная повестка дня часто формировалась профсоюзами. Областной Пролеткульт послужил базой для Саратовской ассоциации пролетарских писателей (САПП). До того момента, как САПП получил поддержку от центральных органов Ассоциации, у него не было достаточно сил для творческой и пропагандистской деятельности, которой занимался Пролеткульт. Получив поддержку от Москвы, САПП попала в зависимость от руководящих органов московской Ассоциации. Обновление жизни пролетарской Ассоциации связано с появлением в Саратове Г. Лелевича. Вместе с появлением Лелевича влияние Пролеткульта в Саратове ослабело, а у САПП начался период расцвета.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.». <https://rscf.ru/project/20-18-00394>

Ключевые слова: провинциальный литературный процесс, финансирование, литературная политика, Пролеткульт, Саратовская ассоциация пролетарских писателей, Курчавов А., Машбиц-Веров И., Гельфанд М., Друзин В.

Для цитирования: Хрусталева А.В., Московская Д.С. «Пролетарский эпизод» в литературном процессе 1920-х годов: случай Саратова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 17–30. DOI: 10.31857/S1605788024040029

“The Proletarian Episode” in the Literary Process of the 1920-s: the Case of Saratov

© 2024 Anna V. Khroustaleva

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the N.G. Chernyshevsky Saratov
National Research State University,
83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9015-2523
tevlin1982@mail.ru

© 2024 Daria S. Moskovskaya

Doct. Sci. (Philol.),
Director of Research,
Head of the Manuscripts Department of A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8089-9604
darya-mos@yandex.ru

Abstract. The peculiarity of Saratov literary process in the New Economy Policy Period was underlied by a small regional budget, slow speed of documentation circulation and the absence of distinct political guidance from the Party and censorship organs towards literature up to the mid-1920s, as the themes of cultural agenda were often chosen by trade unions. The regional Proletkult became a foundation for Saratov Association of Proletarian Writers (SAPW). Until the moment SAPW was supported by the central organs, it had no sufficient energy for its creative and propaganda activities, which were left to Proletkult. Getting the support, the organisation became dependent on the guiding Moscow organs. The renewal of the life of the Proletarian Association is connected with the appearance of G. Lelevich in Saratov. Together with the appearance of Lelevich in Saratov, the influence of the Proletkult weakened, and the SAPW began a flourishing period. A significant contribution to this was made by G. Lelevich.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Key words: provincial literary process, financing, literary policy, Proletkult, Saratov Association of Proletarian Writers, Kurchavov A., Machbits-Verov I., Gelfand M., Druzin V.

For citation: Khroustaleva, A.V., Moskovskaya, D.S. “Proletarskij epizod” v literaturnom processe 1920-h godov: sluchaj Saratova [“The Proletarian Episode” in the Literary Process of the 1920-s: the Case of Saratov]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 17–30. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040029

Хронологически первым и не потерявшим значения до настоящего момента библиографическим источником к истории саратовского литературного процесса является указатель Р.С. Мандельштам «Художественная литература в русской марксистской критике» [1]. Первой попыткой концептуального осмысления специфики местного литературного процесса стал рассчитанный на преподавателя литературы очерк «Литературное движение в Нижневолжском крае» в пособии «Рабочая книга по литературе народов СССР» [2] под редакцией А.П. Скафтымова. В этом очерке закономерно отсутствовала

информация о подвергшихся опале лидерах литературных группировок и неправильно датировался ряд событий литературной жизни города. Работа по воссозданию местной литературной жизни была продолжена В.А. Сушицким, автором книги «Саратов в беллетристике» [3], где впервые были приведены биографические и библиографические справки ряда саратовских писателей. Сушицкий скрупулезно исследовал все доступные тогда фонды библиотек и архивов Саратова и Москвы, но и его труд остался неполон: например, не были учтены опубликованные в Саратове пьесы Л. Гумилевского «Хлеб» (1921)

и «Владыка мира» (1921). Как справедливо замечает современный исследователь А.С. Касович [4, с. 77], только в 1960-е годы изучение саратовской книжной продукции первых лет советской власти приняло не статистико-библиографическую, а в полной мере форму научного исследования. В 1968 г. в Саратове вышел сборник «Рожденные революцией», где в статье А.К. Жуйковой «Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия» [5] впервые была приведена и прокомментирована детализированная хроника газетных и журнальных публикаций саратовских литераторов и литературоведов. В 1980 г. вышла книга В.Ф. Гермашевой «Саратовские издания в первые годы Советской власти (1918–1921)» [6], которая дополнила труды предшественников новыми данными по печати первых трех пореволюционных лет.

Местный литературный процесс стал объектом концептуального изучения в статье С. Рыженкова «Литературный регионализм: путь Саратова», опубликованной журналом «Новое литературное обозрение» [7] и книги «Губернская власть и словесность» [8]. Как справедливо заметил Е. Добренко в рецензии на это издание [9], она иллюстрирует недостаточность спатального стержня для построения истории литературы или искусства: выводы сводятся к констатации того, что «провинциальная словесность не копировала ситуацию в центре, а скорее гротескно ее переиначивала...» [8, с. 7]. Было бы правильно, пишет рецензент, дополнить этот общий вывод важным уточнением: «переиначивание» являлось следствием медленного темпа провинциальной жизни, при котором процессы институционализации занимали больше времени, чем в Москве.

Рыженков в своей статье связывает особый саратовский путь создания и трансляции литературной продукции 1920-х годов с относительной автономией этноконфессиональных групп от губернской литературной власти. Здесь мы позволим себе некоторое уточнение. Относительная свобода внутри автономий была прежде всего следствием отсроченной институционализации власти, поскольку существование автономных регионов внутри государства объяснялось не целью удовлетворения потребностей этноконфессиональных сообществ и сохранения их специфики, а задачами удержания территории. Сохранение ряда литературных свобод на территориях национальных меньшинств было, таким образом, результатом этой политики. Нельзя согласиться с утверждением Рыженкова, что «ничем не ограниченной» литературной власти

рассматриваемого периода оппонировали только этнические сообщества: так, культурная деятельность саратовских профсоюзов долгое время сохраняла альтернативный характер по отношению к местной партийной и государственной власти. Об этом свидетельствуют данные краеведческих музеев Саратовской области, где отложились разрешительные документы на постановку пьес, выданные саратовским профсоюзом работников искусства (РАБИС). Частичная подмена государственной цензуры корпоративно-цеховой является значимой составляющей провинциального культурного кода 1920-х годов, которую следует учитывать историкам литературы. Профсоюзные инициативы стали следствием временного разрыва между формированием институтов контроля в центре и на периферии. Таким образом, изучение провинциального материала каждый раз требует выявления конкретных причин ретардации региональных культурных процессов и «переиначивания» столичных инициатив, что позволит охарактеризовать принципиальное своеобразие местных литератур до того момента, как они влились в стандартизованный общесоюзный литературный поток.

Что касается литературной жизни Саратова, то она, действительно, приобрела особый колорит из-за близости республики Немцев Поволжья. Здесь действовали кооперативы, профсоюзы, иные общественные и религиозные организации, в которых печатались и распространялись огромными тиражами книги, не связанные с какой-либо ценностью для новой власти, например, католические катехизисы [10, с. 392]. На территории автономии продавались издания немецкой эмиграции, выходившие в Германии и США, позднее запрещенные. Книги и периодические издания подобного характера были частично доступны саратовскому читателю в свободной продаже. И только с 1926 г., как свидетельствуют архивные документы, родственникам эмигрантов не рекомендовалось получать зарубежные посылки, включая книжные (слово «запрещено» в циркулярах еще отсутствовало). Распространялись на территории Саратовской губернии и рукописные неподцензурные издания, например, иллюстрированный журнал семьи Кедровых «Гнездышко»¹. В 1923 г. на страницах этого журнала редакция поздравляла читателя с христианскими праздниками, используя евангельские цитаты: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Борьба за новый быт, объявленная Л.Д. Троцким

¹ COMK. НВ 48277–48278.

в 1923 г., пока еще обходила подобную литературную продукцию стороной.

Своеобразие культурных процессов в Саратове определяется также стремительным оттоком в столичные центры творческой интеллигенции: в пореволюционные годы Саратову недоставало зрелых творческих сил для активной культурной жизни. При наличии здесь в прошлом культурно развитой традиции демократической литературы, представленной Н.Г. Чернышевским, А.Н. Пыпиным, Д.Л. Мордовцевым, о существовании литературного гнезда в послереволюционном Саратове можно говорить с достаточной долей условности. Талантливые писатели Л. Гумилевский и М. Зенкевич, продолжавшие литературно-художественное творчество после октября 1917 г., покинули Саратов в 1923 г. Недолгим было пребывание в городе А.Д. Скалдина и Б.А. Пильняка. Саратов не стал центром организации литературной жизни для Л. Авербаха, каким стал Ростов-на-Дону для В. Киршона. Не этим выходцам из среды интеллигенции и городского мещанства предстояло определять саратовскую литературную среду в середине 1920-х годов. Эта роль досталась саратовскому Пролеткульту.

Саратовская пролеткультовская ячейка возникла как литературная студия в 1918 г. Ее персональный состав полностью не удалось установить. Известно, что к началу 1923 г. в нее официально входило 12 человек, по социальному цензу — 8 рабочих и 4 интеллигента. Плоды творчества студии сохранились на страницах журнала «Горнило», увидевшего свет 10 июля 1918 г., и в сборниках «Взмахи» (первый выпуск появился в декабре 1919 г.). В целом, определяющей литературной традицией для пролеткультовцев Саратова было творчество поэтов «Кузницы», у которых А. Винокуров и А. Мастерков заимствовали космические образы рабочего-мессии, подвижника, пришедшего преобразить старый мир:

Разбросаю стих, зажженный
Цепью солнечных венков,
И, поднявшись кистью новой,
Размахнувшейся рукой,
В небе радугой огневой
Начертаю подвиг твой.
[2, с. 76].

Литературная деятельность Пролеткульта финансировалась местным Губоно, отчислениями от профсоюзных членских взносов и субсидиями Наркомпроса, что обеспечило пролетарским писателям возможность публично заявить о себе. В то же время саратовский Пролеткульт разделял установку своих идеологов на независимость

пролетарской культурной работы от государственных и даже партийных органов. Тезис о том, что несмотря на победу рабочих и крестьян в борьбе за власть, советские государственные учреждения не в силах осуществить и полно отразить в своей работе пролетарское мирозерцание, давал пролеткультам основание требовать для себя эксклюзивное право обслуживать в культурно-идеологической сфере интересы победившего класса и проводить свою политику независимо от Наркомпроса. По воспоминаниям местного писателя, публициста, критика, постоянного автора издания «Саратовский дневник» Н.М. Архангельского, саратовский Пролеткульт, подражая независимой политике Москвы, не считался с местной властью: «Между Пролеткультом и Отделом народного образования идет борьба. Вчера она вылилась в безобразный скандал. В 3 часа дня в Народном Дворце назначена была от отдела народного образования публичная лекция Арановича... Сцена оказалась занята деятелями Пролеткульта»².

Местная студия Пролеткульта, зеркально повторяя московские события, стала кадровой базой для Ассоциации пролетарских писателей. Если в центре основным финансовым источником культурно-просветительских проектов был Наркомпрос, в Саратове художественное творчество первоначально нашло существенную поддержку в профсоюзах. В 1926 г. 59 из 66 губернских клубов принадлежало профсоюзам и находилось на их содержании³. На профсоюзных членов была возложена обязательная культурная «разверстка» в размере 10 процентов от взносов, призванная покрыть, в том числе, и нужды книгоиздания. Финансовый поток из Москвы был кратно меньше собранного профсоюзами: в 1926 г. центр обеспечивал саратовскую культурную жизнь в размере 19 тысяч 179 рублей 79 копеек в год⁴, тогда как саратовские профсоюзы отчисляли в местный бюджет на культуру не менее 17 000 руб. ежемесячно⁵. Таким образом, именно профсоюзы, а не местные политпросветы, могли определять содержание многих культурных мероприятий [10], делая ставку на их самокупаемость и развлекательность. Закономерно, что представители культуры ориентировались на эти актуальные запросы в большей степени, чем на пролетарские идеологические ценности.

² СОМК. Ф. 15774/16. Л. 20.

³ ГАНИСО. Ф. 27. ОП. 4. Д. 110. Л. 11.

⁴ ГАНИСО. Ф. 27. ОП. 4. Д. 110. Л. 29.

⁵ Там же.

Известен, например, характерный случай, когда Л.А. Словохотов, бывший товарищ прокурора, сын протоиерея Оренбургской епархии, несколько лет подряд на разных площадках вел платную лекционную деятельность, финансируемую профсоюзами. Им было прочитано более ста лекций, посвященных проблемам литературы и эстетики, и ни один из цензурных органов Саратова не интересовался предметом и идейным содержанием его выступлений до конца 1920-х годов.

Очевидно, что в годы нэпа в саратовском литературном процессе политическая линия по отношению к литературе со стороны губернского комитета партии носила менее устойчивый характер, чем в столице, где непосредственное участие представителей Московского комитета партии и Отдела печати было обязательным ритуалом совещаний и конференций [11]. Известно о случаях позднего прихода в Саратов некоторых циркуляров и об отсутствии списков запрещенных пьес в отдельных уездах. Документы, отложившиеся в московских архивах, рассказывают нам о ситуации *de jure*, а материалы Государственного архива новейшей истории Саратовской области показывают положение дел *de facto*: «...иногда ставят пьесы, не пропущенные Гублитом, откуда их берут, неизвестно». В Саратове решения АПО партии нередко отменяли ранее вынесенные постановления Гублита, причем эта отмена носила неуравновешенно-скачкообразный характер. Более того, происходил пропуск уже установленных после централизации цензуры в 1922 г. звеньев. Так, саратовский Гублит сообщает АПО, что несмотря на запрет со стороны «Гублита, а также местных партийных и обществено-руководящих органов о ненужности постановки на сцене театра Чернышевского “Чайного цветка” Левина, последняя была послана в Главрепертком, минуя Гублит и без его ведома» [10, с. 399].

Функции идеологического контроля, взятого на себя в 1923 г. критиками журнала «На посту», овладевшими к 1927 г. руководящими позициями в Федерации объединений советских писателей, не воспроизводились сапповцами в местной литературной жизни в полной мере. Страстные идеологические бои, проходившие в Москве и Ленинграде, долгое время не отражались на литературной жизни города, так как, в целом, потенциальные идейные оппоненты АПП, включая «попутничество», не представляли собой выраженную литературную силу, достойную последовательной полемики. Количественно саратовский литературный фронт характеризует

то, что в группе ЛЕФ состоял один человек, а в 1927 г. в отчете АПО указывается, что группа не оформлена⁶.

Саратовская ассоциация пролетарских писателей, в отличие от всеильного в Москве и Ленинграде ВАППа, не обладала до 1927 г. каким-либо идеологическим и политическим весом или финансово-экономическими внешними опорами. Профсоюзы были готовы выделять деньги для поддержки тех культурных проектов, которые были адресованы рабочему контингенту их предприятий, но САПП не вызвал у них интереса и финансовое содействие этой литературной организации вплоть до конца 1920-х годов профсоюзы осуществляли сдержанно. Профсоюзы как органы, располагавшие реальными книгоиздательскими ресурсами, оказывали помощь по своему усмотрению, не торопясь финансировать культуру по классовому или партийному принципу. Как показывают архивные документы отделения ВАППа до 1927 г. не оказывали существенного влияния на провинциальную культурную жизнь, не пользовались доверием губкомов и, как свидетельствуют архивные данные, даже имели место случаи задержания ГПУ членов ВАПП по подозрению в участии в сетевых контрреволюционных организациях.

История саратовского отделения Ассоциации пролетарских писателей повторяет в своем становлении траекторию формирования МАППа/ВАППа в столице, но лишена характерного для столицы ореола непримиримой идеологической борьбы с попутчиками. Объединение разрозненных пролеткультов в ассоциацию произошло в Москве в феврале 1920 г., но только после прихода к власти в ВАПП в 1923 г. молодежной комсомольской группы «Октябрь» характер движения пролетарской литературы изменился, приобрел централизованный характер: кружки и ячейки московских пролеткультов влились в районные рабочие литкружки, образовав районные и региональные отделения, подчиняющиеся центральным — Московской ассоциации и обновленной в 1924 г. усилиями той же комсомольской группы «Октябрь» Всероссийской ассоциации.

То же, но в узком местном масштабе, происходило и в Саратове, когда членами саратовского Пролеткульта стали Л. Борзов и Н. Иванов. Под руководством очеркиста Александра Алексеевича (по другой информации — Исаевича) Курчова они составили ядро саратовской группы «Октябрь», открывшей новый этап в местном

⁶ ГАНИСО. Ф. 27. ОП. 4. Д. 110. Л. 8.

литературном процессе. Долгое время существовала версия, что это произошло в 1923 г. [2, с. 78], но, как увидим далее, на деле саратовский «Октябрь» был организован позже. В теоретических самоописаниях САППа, датируемых 1932 г. [2, с. 78], подчеркивалось, что саратовский «Октябрь» смог верно отразить современную революционную действительность, преодолеть цеховую замкнутость Пролеткульта, переродившуюся в литературное сектантство.

Как показывают периодические отчеты о местных культурных событиях, публиковавшиеся «Саратовскими известиями» в 1924 г., литературная жизнь города стремилась синхронизироваться со столичной. 4 апреля 1924 г. на общем собрании литстудии Пролеткульта был заслушан доклад В. Михайловича о необходимости создания местной ассоциации пролетарских писателей и поэтов. Было принято постановление: 1) признать необходимым объединение пролетарских писателей и поэтов в целях более организованной и успешной борьбы с мелкобуржуазной идеологией; 2) для руководства работой по объединению избрать оргбюро, которому предложить через Губком РКИ, РКСМ и ГСПС связаться со всеми литературными организациями и кружками при фабриках, заводах и рабочих клубах. 9 апреля «Саратовские известия» сообщили, что объединение пролетарских писателей будет группироваться около основного ядра литературной студии саратовского Пролеткульта. 16 апреля того же года состоялось организационное собрание пролетарских писателей, вставших на платформу местной группы «Октябрь». В группу вошло 18 человек — 10 прозаиков и 8 поэтов. Организация предполагала вовлечь «широкие слои рабочих и молодёжи, доступ <...> учащимся и интеллигенции закрыт — группа исключительно пролетарская». 5 августа «Саратовские известия» опубликовали еще одно объявление, свидетельствующее об отсутствии идеологических разногласий между саратовским Пролеткультом и группой «Октябрь»: «Оргбюро Лито Пролеткульта и правление группы “Октябрь”, считая, что обе эти организации стоят на одной платформе и должны работать совместно, созывают на сегодня (5 августа) в 8 часов вечера в помещении Пролеткульта <...> объединенное собрание членов Лито и “Октябрь”».

Напостовская группа ВАППа развернула критику пролеткультовской групповщины и нигилизма в начале 1925 г., обозначив в качестве одной из задач Ассоциации необходимость освободиться от ошибок А.А. Богданова и воздействовать на «другие классовые отряды литературы», став для

них центром притяжения. Однако заявленное ВАПП размежевание с вождями Пролеткульта начнется лишь в середине 1926 г., когда на повестке дня станет вопрос о литературной политике и реализации лозунга о культурной революции. Тогда Авербах опубликует статью «О пометах Ленина на статье В. Плетнева», доказывавшую, что новый, плетневский Пролеткульт наследовал богдановскому в противопоставлении пролетарского культурного строительства политической работе советской власти, а также в желании получить монополию на строительство пролетарской культуры [12]. Очевидно, что в 1924 г. саратовский Пролеткульт (что зеркально отображало московскую ситуацию) еще не воспринимался идеологическим врагом САППа.

Итак, если вести историю САППа как объединения, вобравшего в себя кадры местного Пролеткульта и саратовской группы «Октябрь», от постановления о необходимости собирания воедино литературных сил, следует начинать эту историю в апреле, а не в августе 1924 г., как это иногда делалось ранее исследователями. Очевидно, что Саратовская ассоциация в своем становлении повторила события литературной жизни центра с отставанием на один год. 15–17 марта 1923 г. на Первой Московской конференции пролетарских писателей был оформлен МАПП как организация, «объединившая вокруг себя все передовые и дееспособные элементы пролетарской литературы» [13, с. 201], взявшая за основу идеологическую и художественную платформу литературной группы «Октябрь»: «Она широка настолько, чтобы дать свободу выявлению творческой индивидуальности и творческим исканиям. Но она не широка в том смысле, в каком этот термин понимали меньшевики, говоря о *широкой* партии, т.е. в смысле *свободы* идейных шатаний и неустойчивости. Наша платформа достаточно узка, чтобы поставить грань псевдо-пролетарским концертам по декадентским нотам» [14, с. 106]. 21 марта правление МАПП передало докладную записку зав. агитпропотделом ЦК РКП(б) Т.А. Бубнову, где в связи «с развитием борьбы на идеологическом фронте, несомненным ростом влияния художественной литературы на массы» обосновывалась необходимость сплочения рядов пролетарской литературы, до сих пор разбитой на кружки и группы, почти не связанные друг с другом и поддающиеся чуждым буржуазным влияниям. Предлагалось расширить рамки деятельности московской ассоциации и заняться организацией пролетарской литературы во Всероссийском масштабе, что и было осуществлено 10 февраля 1924 г., когда постановлением

общего собрания МАПП было образовано временное правление ВАППа. Прошедший 2–4 мая 1924 г. Пленум правления ВАППа принял резолюцию по докладу И. Вардина «Идеологический фронт и задачи литературы» об общей линии пролетарской литературы на идеологическом фронте. ВАПП вступил в фазу борьбы за гегемонию на литературном фронте страны [15]. Платформа московского «Октября» стала платформой и САППа, как можно заключить из отчета «Саратовских известий». Саратовская ассоциация отличалась теми же чертами классового ригоризма и курсом на координацию своей идеологической работы с партийными и комсомольскими органами, которые отличали литературную политику ВАППа на протяжении всего существования.

Отмеченное выше изменение реальной даты создания саратовской группы «Октябрь» с 1924 г. на 1923 г., зафиксированное нами в источнике 1932 г., могло преследовать задачу демонстрации синхронизации саратовского «Октябрь» с московским и вовлеченности местной литературной жизни в столичные идеологические бои. Но также оно могло быть обусловлено и желанием академической части САППа, а именно В. Бочкарева и И. Пехтелева, скрывающимися за инициалами, которыми подписана цитируемая работа 1932 г., подчеркнуть роль группы «Октябрь» в становлении Саратовской ассоциации.

6–12 января 1925 г. в Москве прошло Всесоюзное совещание пролетарских писателей, на котором было представлено 60 региональных организаций, в которые входили 2677 человек. Важнейшим на повестке дня был организационный вопрос. Совещание продемонстрировало готовность напостовской верхушки добиться необходимой сплоченности и подчинения региональных отделений властному центру, утвердило общую волю к уничтожению групповщины, что позволяло региональным отделениям надеяться на системную финансовую и идеологическую поддержку московского центра. На этом общем фоне закономерно, что устав САПП был принят только 28 января 1925 г., т.е. спустя две недели после завершения московского Всесоюзного совещания пролетарских писателей, вскоре при поддержке ЦК приобретшего легитимный законодательный статус конференции.

Одновременно с утверждением устава обсуждалась творческая платформа САППа. В одной из газетных публикаций [16] указывалось, что с целью повышения квалификации сапповцам следует обращаться за помощью к мастерам Пролеткульта. Основным печатным органом САППа

с 1924 г. стала газета рабоче-крестьянской молодежи «Большевицкий молодняк», являвшаяся официальным изданием Саратовского губернского комитета ВЛКСМ. Предпочтительной формой работы сапповцев были избраны вечера самокритики, проходившие по понедельникам, с чтением и разбором собственных произведений. Перед выступлением конкретного автора любое произведение проходило внутреннюю цензуру — его читала сапповская спецтройка, один из ее участников делал доклад с характеристикой автора произведения и его творчества.

Вокруг газеты сгруппировались комсомольские и пионерские литературные силы. Было отведено место под литературный уголок, а также ответы на письма, разбор произведений, присланных в редакцию, литературные беседы. Среди мероприятий 1926 г. в газетах упоминается выступление в Саратове известных пролетарских поэтов А. Жарова и И. Молчанова, а также несколько диспутов о современной литературе, один из которых в 1926 г. был посвящен роману Ф. Гладкова «Цемент». На одном из них саратовец Г. Поляков заявил, что «Цемент» скучен, а герои его не отображают реальные характеры из народа. Известно, что гладковский Цемент, в целом высоко оцененный пролетарской критикой, дал повод для обсуждения проблемы доступности простому читателю нового пролетарского творчества: «Одни, например, говорят, что вот “Цемент” Гладкова — великолепная вещь, а другие говорят — ничего не понимаем, потому что язык трудный» [17, с. 53]. Как отметил Е.А. Добренко, рабочие, представители той аудитории, на которую нацеливался разрушительный пафос *городского* производственного романа, не поверили героям Гладкова, так как не поняли логики их поступков, устремлений и желаний: «Биографии нет, а раз ее нет, то нет и понимания» [18, с. 19].

1926 г. был отмечен борьбой САППа с коммунистическим чванством. Литературный критик Михайлович отмечал, что литкружковцы, построившие 1–2 стихотворения в местную или московскую газету, начинают вместо дальнейшей учёбы и самокритики «поплёвывать на все стороны»: и на классиков, и на учёбу, и на современную литературу. Чванливое поведение пролетарского молодняка в Саратове было характерно для молодых пролетарских писательских кадров в целом, что было отмечено в докладе Л. Авербаха «Современная литература и очередные задачи ВАППа» в апреле 1927 г. на очередном Пленуме, призывавшем к борьбе с отрицательными явлениями в рядах ВАППа, прежде всего, с комчванством,

т.е. переоценкой «имеющихся достижений, не-серьезным отношением к задачам учебы и самокритики, выдвинутом ВАПП'ом» [19, с. 66]. Характерным для времени организационного укрепления ВАППа, роста его политического влияния, стали выступления литературных проходимцев, декларирующих свой особый статус и членство в МАППе (нередко это членство не подтверждается при изучении протоколов и стенограмм). Например, членом МАППа объявил себя выступавший в Саратове Аркадий Северный, переписывавшийся с М. Горьким. Называя Горького учителем, Северный не только бравировал общением с ним, но и попытался продать его корреспонденцию редакции ленинградского «Резца» [20].

Как уже было сказано, первое время значительного влияния на читателя САПП не оказывал: о факте существования организации ведущее периодическое издание города «Саратовские известия» упоминает в 1926 г. лишь два раза. Заседаниям Пролеткульта газета уделяет значительно больше внимания, хотя обе организации проводят свои встречи в одном помещении. В 1928 г. Д.О. Шафранский с долей грусти констатирует неуспех творческой продукции САППа: «Широкие слои советской общественности еще мало знают и <...> произведения тоже редко кто читает. Не читают, потому что очень мало печатаются» [21, с. 25]. Далее делается вывод: «Внутренняя работа САПП должна пойти по линии широкого вовлечения всей рабоче-крестьянской молодежи, интересующейся вопросами литературного творчества и уже выявившихся пролетарских писателей, укрепления связи с уездными отделениями. Необходимо также взять более широкий курс на развитие массовой работы, организовывая литературные вечера, усиливая работу с литературными кружками в рабочих клубах» [21, с. 27]. Данные Шафранского в большей степени отвечают литературной ситуации не 1928 г., а конца 1926 г., что подтверждают сведения, фиксирующую иную динамику в 1927 г.: мероприятия САППа посещало около 1000 человек в месяц в городе с населением несколько более 200 тысяч жителей [10, с. 316]. Причину подобного роста интереса массового читателя и зрителя к деятельности САППа можно связать с общим ростом политического влияния ВАППа в 1927 г. На этот год приходится ряд знаковых событий в жизни всесоюзной ассоциации, свидетельствующих о достижении ею гегемонии на литературном фронте: идеологическое руководство в Федерации объединений советских писателей берет на себя новообразованная в марте 1927 г. коммунистическая фракция ФОСП во

главе с секретарем ВАППа А.А. Фадеевым [22], поддержку которого осуществлял Отдел печати ЦК ВКП (б). Из состава Правления был выведен разбитый крайний левый фланг ВАППа, группа Вардина — Лелевича — Родова, объявленных троцкистами; А.К. Воронский был отстранен от редакторской деятельности, а затем исключен из партии. Обновленный секретариат ВАППа во главе с Авербахом, Киршоном, Либединским взял литературную политику в стране в свои руки.

С 1927 г. совпадает конец формативного периода саратовской АПП, начавшегося, как мы показали, в 1924 г. Во второй половине 1926 г. в Саратов прибывает изгнанный из руководящих органов ВАППа Г. Лелевич, и САПП выходит на новую ступень эволюции.

Приезд Лелевича всколыхнул и обновил литературную жизнь города. Напрямую это обновление коснулось и САППа: стала избыточной установка на необходимость учебы в Пролеткульте у «мастеров слова», поскольку теперь можно было учиться у Лелевича. Постепенно увеличилась в четыре раза численность ассоциации. Согласно данным «Саратовских известий», за два сезона 1926–1928 гг. сапповцы провели 22 литературных мероприятия, одно из которых собрало 200 человек.

Закат саратовского Пролеткульта начался в 1927 г. Еще в начале 1926 г. «Саратовские известия» рапортовали об общей активности Пролеткульта, наличии в нем действующих литературной, изобразительной и музыкальной студий. Последнее упоминание об организации датируется 28 июня 1927 г., после чего, как следует из архивного документа, фиксируется нецелесообразность дальнейшего существования объединения. Исчезновение Пролеткульта с культурного горизонта Саратова не связано с государственными или партийными директивами. Как известно, Пролеткульт как отдел Наркомпроса существовал вплоть до 1932 г. Именно активность САППа и Лелевича как лектора, организатора, идеолога перетянула на себя общественный интерес.

Не только вытеснение Пролеткульта из саратовской культурной жизни характеризует отрезок длиной в полтора года — с января 1926 г. до конца июня 1927 г.: знаковым является и резкое увеличение состава САППа. В январе 1926 г. в нем состоит 11 человек, через год в САППе уже 22 представителя, спустя еще шесть месяцев — в июне 1927 г. в нем числится 42 участника.

Как отмечалось выше, саратовский «Октябрь», основатель САППа, в 1924 г. насчитывал 18

участников. В связи с этим отдельной проблемой является постоянное изменение состава САППа, принявшее форму резкого роста в 1927 г. Этот рост может объясняться мифотворчеством — номинальным приписыванием к САППу остатков Пролеткульта, а также рабочих кружков или уездных организаций АПП. Причиной резкого роста САППа за шесть первых месяцев 1927 г. мог быть приезд в провинциальный Саратов ссыльного Лелевича. Внешняя вербовка на деле представляла собой регулярную агитационную деятельность Лелевича на культурных площадках города и в литературных кружках САПП. Можно предположить, что лекционная работа Лелевича выходила за пределы программы для руководителей кружков, которая спускалась из центра через Бюллетени ВАППа [23, с. 189] и выполнение которой можно было бы ожидать на территории провинции. Очевидно, что курс, прочитанный Лелевичем в течение 1927 г., был авторским и независимым от вапповских циркуляров. Для САПП им было разобрано более 10 тем: социальное назначение искусства, личность художника и класс, содержание и форма художественной литературы, словесный материал и изобразительные средства, основы стихосложения, развертывание сюжета, литературные жанры, буржуазно-дворянский период литературы (от Г. Державина к Л. Толстому), народнический период, пролетарская литература до Октября, от Октября до НЭПа, послеоктябрьская буржуазная литература, политика партии в литературе. Разрозненные упоминания о деятельности Лелевича, найденные в мемуарах и автобиографических документах, свидетельствуют об исключительно высокой оценке лектора саратовской средой. Высоко аттестуют слушавшие его лекции работники СГУ П. Бугаенко, А. Скафтымов и А. Жук.

Читателям «Саратовских известий» он адресовал цикл литературно-критических статей, посвященных пролетарским писателям — Ф. Гладкову, А. Безыменскому, А. Серафимовичу, А. Новикову-Прибою, а также классикам русской литературы, оставаясь верным своей основной установке — поиску стержневого образа как способа обобщения классовой психологии писателя. «Каждый писатель воплощает в своих произведениях тот или иной основной социально-психологический образ. У романистов и новеллистов всегда можно обнаружить основного героя, стержневой тип, проходящий через все творчество автора», — пишет Лелевич. Он развивает свою мысль, концентрируясь на художественных образах: «порхающий яркий мотылек, изменчивая очаровательница, непоседа, кокетка, любительница

увлечений» — таким представляется ему облик героини дворянской литературы. Другим обличьем оказывается «томная и кроткая мечтательница, полная романтизма, верная супруга и добродетельная мать...» [24, с. 3]. Заметим, что в современном литературоведении практически полностью игнорируется теоретическое ядро статей Лелевича — его размышления о стиле как единстве тематических и идейных элементов психологии определенной социальной группы; об упомянутом ранее «основном герое» как скрепляющем элементе этого стиля.

Юбилейный для советской власти 1927 г. отмечен ростом культурного уровня САППа: на страницах «Большевистского молодняка» появляется постоянная литературная консультация Ассоциации, члены ассоциации вступают в диалог с центральными органами ВАПП. Л. Борзов пишет «Письмо другу» как отклик на «Свидание» Молчанова, несколько смягчая критическое отношение к этому автору. Произведение Молчанова стало для журнала «На литературном посту» поводом объявить войну литературному мещанству, а заодно и либеральной, попутнической позиции А.М. Горького. Возрастает интерес к саратовской читательской аудитории со стороны известных писателей: провинциальный Саратов становится ближе к культурной жизни столицы. В январе 1927 г. в городе выступил В. Маяковский. В июне того же года здесь был тепло встречен коллега Лелевича по левому блоку — А. Безыменский. «Саратовские известия» сообщили о приезде Безыменского громким заголовком «Передовой трубач поэзии, первым откликающийся на новые моменты жизни». Автор публикации, Лелевич надеялся своего соратника по политико-литературной борьбе гипертрофированными эпитетами: ставил выше Маяковского, убеждал, что Безыменский своим творчеством приближал мировую победу пролетариата. «А читатель всегда находил и всегда найдет у Безыменского не только звучный стих и красивые обороты, но и ответы на жгучие, волнующие вопросы современности:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Подогретое вниманием Лелевича выступление Безыменского вызвало ажиотаж. Как сообщали газеты, после второго отделения саратовцы подняли поэта на руки и долго качали. Скандалом было отмечено выступление в Саратове еще одного выдающегося пролетарского поэта И. Уткина. О реакции на его гастроль свидетельствует

сообщение, что милиционер был вынужден охранять дверь, дабы пресечь попытки попасть на мероприятие многочисленных желающих, для которых уже не было места в зале. Как отмечено в газетах, Уткин вел себя экстравагантно, залез на стол, несколько агрессивно преподносил аудитории свои оценки современных поэтов, в том числе, Маяковского. Зал вел себя столь же агрессивно: слушатели обвиняли Уткина в контрреволюции, непонимании того, что в стране идёт классовая борьба; упрекали поэта в отсутствии тем, интересных пролетариату, требовали от него большей связи с массами. Позже саратовские гастролы Уткина стали предметом обсуждения на одном из совещаний секретариата РАПП. Уткину поставили в упрек его индивидуализм: в своем выступлении в Саратове он выражал собственное мнение, а не коллективную позицию ассоциации. В резолюции секретариата РАПП озвучивается решение отмежеваться от Уткина, поместив в журнале «На литературном посту» письмо о том, что РАПП не несет ответственности за выступления Уткина, не являющегося членом РАПП.

Широкое освещение в газетах получило мероприятие 1928 г. — литературный вечер с участием И. Молчанова. Встреча проходила по отработанной схеме — в программе значились два отделения: одно для приглашенного выступающего (в данном случае Молчанова), другое — для местных литературных сил. Очевидно, что САПП ставил задачу обучения своего молодняка в творческом соревновании с состоявшимся писателем.

К 1928 г. САПП добился видимых успехов: были созданы три литературных кружка по профессиональному профилю — мельников, печатников, рабочих электромастерских. Численность последнего поражает: в кружок вошли 40 человек, что сопоставимо, как видим, с численностью самой организации.

С 1928 г. работу по приему рукописей начинает редакция издания «Молодой ленинец», ставшего официальным печатным органом Нижне-Волжского бюро ЦК ВЛКСМ. Постепенно она начинает противопоставлять себя АПП как более деятельная и заинтересованная группа энтузиастов, демонстрируя приоритетную роль комсомола в культурном строительстве. Постепенно вокруг «Молодого ленинца» сгруппировалась первая волна сапповцев, самый ранний состав членов САПП, включавший Н. Королькова, Л. Борзова, Н. Иванова. Важным событием марта 1928 г. стала Первая поволжская конференция пролетарских писателей, на которую саратовцы прибыли

с самым большим по Поволжью количеством решающих голосов, которые достались литературным критикам В. Бочкареву, П. Нагулевичу, Л. Борзову и А. Курчавову. Перемены в жизни САППа, проявившиеся в росте его численности, активности его членов и внимании к литературной жизни Саратова со стороны центральных органов ВАПП, безусловно определены влиянием Лелевича. Но столь же значительную роль сыграла возрастающая значимость РАППа в литературной жизни страны [22].

Начало реконструктивного периода остро поставило вопрос о политической активности местных ассоциаций и их личном составе. ВАПП обновляет организационные принципы Ассоциации: отныне местные отделения разбиты по районам, и к каждому району прикреплены группы товарищей актива ВАППа, на которых возлагается обязанность поддерживать постоянную связь и помогать группе в ее работе. 30 апреля 1928 г. проходит Первый Всесоюзный съезд пролетарских писателей, принявший решение о реорганизации ВАППа в ВОАПП — во Всесоюзное Объединение Ассоциаций Пролетарских Писателей, создается РАПП. Был выкинут боевой лозунг «РАПП на предприятия», принято решение «ввести в практику работы проведение своих очередных заседаний от времени до времени на предприятиях или в рабочих клубах — с привлечением большого числа рабочих; организовать кружки АПП на предприятиях, там, где имеются для этого возможности (наличие выявленных творческих сил), однако, при обязательном условии обеспечения этих кружков достаточным и умелым руководством». Шахтинское дело научной интеллигенции дало основание пролетарским ассоциациям вести особо тщательный учет собственных кадров, организовать поиск в своих рядах вредителей. В этих условиях благонадежность САПП обеспечивалась участием 19 членов партии и 8 комсомольцев. Однако с 1928 г. деятельность САПП подверглась резкой критике Москвы. Во-первых, сапповцы ошибочно «выбросили лозунг о “напостовском руководстве”» вместо партийного, во-вторых, не справились с призывами «РАПП — на предприятия» и «Ударник в литературу», а также с организацией литературного дела у национальных меньшинств, в частности, у татарского населения. Местнические настроения САППа, обусловившие, по мнению руководства РАПП, его отставание в решении актуальных политических задач, поставленных Секретариатом Ассоциации, были зафиксированы во время проверки САППа комиссией из центра и вызвали острую реакцию журнала «На литературном

посту»: «Что нам до мировой революции — мы расейские. Что нам до Расеи — мы саратовские. Что нам до Саратова — мы балашовские. А там наша хата с краю» [25, с. 169].

Появление в этом критическом пассаже города Балашова объясняется тем, что обязанности главного редактора «Саратовских известий» несколько лет исполнял уроженец Балашова Марк Савельевич Гельфанд, член САППа с 1928 г. 19-й номер журнала «На литературном посту», где Абребах разразился критикой САППа, в 1929 г. [25] был посвящен анализу литературоведческих академических амбиций Гельфанда и его претензий на звание «защитника ленинизма в литературоведении». Гельфанда осуждали и за связь с путническим журналом «Печать и революция», до начала 1929 г. руководимым В. Полонским. В 1929–1930 гг. Гельфанд отметил своей связью с Литфронтом, куда входили, с одной стороны, левое меньшинство членов Ассоциации, отстраненных от руководящих постов еще в ноябре 1926 года (Г. Лелевич, С. Родов, Г. Горбачев, А. Безыменский), с другой — представители ленинградской группы критиков и писателей, объединившихся вокруг Г. Горбачева (А. Камегулов, А. Горелов, А. Прокофьев, Вс. Вишневский, В. Саянов и др.), а также бывшие ученики В.Ф. Перверзева из Коммунистической академии и Института красной профессуры. Лишь покаянное письмо литфронтовцев в «Правду» восстановило в ноябре 1930 г. Гельфанда в рядах РАПП, после чего он продолжил свою деятельность литературного критика и теоретика на страницах журнала «На литературном посту» и в РАППе.

Идеологический накал Москвы сказался на взаимоотношениях внутри саратовского отделения РАПП, разделенного на интеллигентов и пролетариев. Последовала череда скандалов, участились доносы. Так, член САПП Чувахин сообщает в открытом письме в «Саратовские известия» о том, что к руководству в ассоциации пришли интеллигентски дряблые люди, не умеющие управлять и, главное, не подходящие САППу по своему происхождению и тематике проводимых мероприятий. Чувахина не устраивало, например, что ему рассказывают про В. Брюсова и его эксперименты с художественной формой. Письмо содержит и другие важные сведения к истории САПП. Выясняется, что после прошедшего в ноябре 1928 г. съезда нижеволжских АПП, САПП покинула пятая часть его членов, недовольная расслоением внутри организации. Члены САПП из числа бывших детдомовцев, осознавшие новые социальные возможности,

протестовали против «благополучно-академической» прослойки организации, получившей якобы лучшие условия для творческого роста. В дальнейшем конфликт приобрел отчетливую форму противостояния комсомольца Курчакова, воспринимавшего себя как «старожила» САПП, и Дружина как автора нового, якобы изобилующего политическими ошибками учебного пособия по литературе. Дружина обвинили в троцкизме. Тем не менее в 1929 г. именно Курчаков был выведен из состава правления САПП. Орган обновленного САПП, «Молодой ленинец», призывал к восстановлению литературной работы, налаживанию связи со сталинградской и астраханской организациями, проведению чистки и перерегистрации кружков и АПП в крае.

Что касается публикационной активности САПП, то, по-видимому, продукция саратовских пролетариев была настолько слабой, что ни одно из их произведений не было принято в серию «Новинок пролетарской литературы», выпускаемой в Москве издательством «Федерация».

В 1930 г. положение в СарРАПП (после создания в 1928 г. РАПП САПП поменял свое название, став с 1930 г. Саратовским отделением РАПП) стабилизировалось. В январе прошел вечер Ассоциации в Клубе строителей, где присутствовало около 300 человек. На собрание членов СарРАПП в соответствии с лозунгом «Ударник в литературу» приглашались не только начинающие литераторы, кружковцы, но и рабочие от станка. Бригада САППа выезжала в колхозы. В 1930 г. проходят совместные вечера общества литературоведения и СарРАПП, на которых, в частности, звучат доклады Машбиц-Верова «О ближайших задачах АПП», Цвелёва (МАПП) — «О положении современной поэзии». В декабре был собран первый и единственный номер журнала Нижне-Волжской АПП «За пролетарскую литературу» (вышел в марте 1932).

Литературный процесс в Саратове был провинциальной версией большой столичной культурной, идеологической и политической истории. До того момента, когда саратовская ассоциация не получила властной и финансовой поддержки из центра, она не обладала достаточной энергией для своей организационной, пропагандистской, агитационной и литературно-творческой деятельности, оставив ее Пролеткульту. Обретя поддержку, она оказалась в зависимости от властных директив руководящих органов. САППу не удалось создать на родной земле выдающихся художественных произведений, существенно обновить дореволюционное саратовское литературное гнездо, придать ему новое местное своеобразие.

Создание Союза советских писателей освободило Саратов от необходимости локальной борьбы за марксистские социалистические ценности в литературе — саратовские писатели растворились в общесоюзном потоке литературно-художественного творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам Р.С.* Художественная литература в оценке русской марксистской критики. 4-е перераб. изд. М.: Госиздат, 1928. 151 с.
2. Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ / сост. В. Бочкарев, И. Кравченко, А. Медведев, И. Пехтелев; под ред. А.П. Скафтымова. Саратов: Нижневолжское краевое изд-во, 1932. 78 с.
3. *Сушицкий В.А.* Саратов в беллетристике. Библиографический указатель. Саратов: Саратовское гос. изд-во, 1934. 136 с.
4. *Касович А.С.* Книгоиздание в Саратовской губернии 1918–1928 как объект научных исследований // Сфера культуры. 2022. № 1. С. 75–87.
5. *Жуйкова А.К.* Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия (хроника) // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1968. С. 230–237.
6. *Гермашева Ф.В.* Саратовские издания в первые годы советской власти (1918–1921 гг.) // Опыт работы Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. Вып. 23. С. 29–45.
7. *Рыженков С.* Литературный регионализм: путь Саратова // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. С. 256–273.
8. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. 428 с.
9. *Добренко Е.* (Рец.) Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х гг. / Под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Изд-во Сарат. ун-та, Саратов // Новое литературное обозрение. 2005. № 3 (73). С. 59.
10. *Хрусталева А. В.* Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 392–411.
11. Из архива Госиздата в ОР ИМЛИ РАН / Вступ. ст. Московская Д.С. *Codex Manuscriptus*. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 14–41.
12. *Авербах Л.* О пометках Ленина на статье В. Плетнева // На посту. 1926. № 5–6. С. 3–11.
13. Материалы Первой Московской конференции пролетарских писателей // На посту. 1923. № 1. С. 193–195.
14. *Лелевич Г.* Нам нужна партийная линия. От Московской Конференции к Всероссийскому Съезду // На посту. 1923. № 1. С. 101–108.
15. *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.
16. Устав САПП // Саратовские известия. 1925. 1 февраля.
17. *Серафимович А.С.* Читатель и писатель. Из выступлений и ответов на вопросы на вечерах рабочей критики в Ленинграде 11–13 февраля 1927 // На литературном посту. 1927. № 22–23. С. 49–52.
18. *Добренко Е.А.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 558 с.
19. *Авербах Л.* Современная литература и очередные задачи ВАППа // На литературном посту. 1927. № 4. С. 63–67.
20. *Хрусталева А.В.* «Я тоже хочу работать, учиться и жить»: переписка А. Северного с А.М. Горьким // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 255–261. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262>
21. *Шафранский Д.О.* О некоторых политических и практических задачах культурного строительства губернии // Коммунистический путь. 1928. № 1. С. 23–25.
22. *Московская Д.С.* Федерация объединений советских писателей как модель литературного процесса 1926–1932 гг. — организационная, финансовая, идеологическая и эстетическая составляющие (по архивным первоисточникам из Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Филологические науки. 2020. № 6 (ноябрь). С. 135–146.
23. *Московская Д.С., Романова О.В.* Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920–1932 гг. (по документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 189–198. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-189-198>
24. *Лелевич Г.* От Татьяны Лариной к Даше Чумаковой // Саратовские известия, 1927. 8 марта. С. 3.
25. *Авербах Л.* О целостных масштабах и частных Макарах // На литературном посту. 1929. № 21–22. С. 11–17.

REFERENCES

1. Mandelstam, R.S. *Khudozhestvennaia literatura v otsenke russkoi marksistskoi kritiki. 4-e pererab. izd.* [Fictional Literature in Evaluation of Russian Marxist

- Criticism. The 4th Ed.]. Moscow: Gosizdat Publ., 1928. 151 p. (In Russ.)
2. *Rabochaia kniga po literature narodov SSSR dlia VII gr. FZS i III gr. ShKM*, sost V. Bochkarev, I. Kravchenko, A. Medvedev, I. Pekhtev; pod red. A.P. Skaftymova [Workbook on the Literature of Soviet Nations for 7th Group FZS and 3rd Group ShKM. Compl. by V. Bochkarev, I. Kravchenko, A. Medvedev, I. Pekhtev; Ed. A.P. Skaftymov]. Saratov: Nizhnevolzhskoe kraevoe izd-vo Publ., 1932. 78 p. (In Russ.)
 3. Sushitskiy, V.A. *Saratov v belletristike. Bibliograficheskie ukazatel* [Saratov in Belletristics. Bibliographical References]. Saratov: Saratovskoe gos. izd-vo Publ., 1934. 136 p. (In Russ.)
 4. Kasovich, A.S. *Knigoizdanie v Saratovskoi gubernii 1918–1928 kak objekt nauchnykh issledovaniy* [Book Publishing in Saratov County 1918–1928 as an Object of Research]. *Sfera kul'tury* [Cultural Sphere]. 2022, No. 1, pp. 75–87. (In Russ.)
 5. Zhuikova, A.K. *Literaturnaia zhizn Saratova pervogo oktiabrskogo desiatiletiia (khronika)* [Literature Life of Saratov during the First October Decade]. *Rozhdennye revoliutsiei. Sbornik literaturovedcheskikh statei-ocherkov o pisateliakh Povolzhia*, pod red. i so vstup. st. P. Bugaenko [Born of the Revolution. Collection of Literary Articles-Essays on Writers of the Volga Region. Ed. and with an introduction by P. Bugayenko]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1968, pp. 230–237. (In Russ.)
 6. Germasheva, F.V. *Saratovskie izdaniia v pervye gody sovetskoi vlasti (1918– 1921 gg.)* [Saratov Publishers during the First Years of Soviet Rule]. *Opyt raboty Zonalnoi nauchnoi biblioteki Saratovskogo universiteta* [Work Experience of the Saratov University Zonal Scientific Library]. Saratov: Izdatlstvo Saratovskogo universiteta Publ., 1980. Vol. 23, pp. 29–45. (In Russ.)
 7. Ryzhenkov, S. *Literaturnyi regionalizm: put Saratova* [Literature Regionalism: Way of Saratov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review]. 2000, No. 5, pp. 256–273. (In Russ.)
 8. *Gubernskaia vlast i slovesnost: literatura i zhurnalistika Saratova 1920-kh godov*. Pod red. E.G. Elinoi, L.E. Gerasimovoi, E.G. Trubetskovoii [County Rule and Language Arts: Saratov Literature and Journalism. Ed. E.G. Elina, L.E. Gerasimova, E.G. Trubetskova]. Saratov: Izd-vo SGU Publ., 2003. 428 p. (In Russ.)
 9. Dobrenko, E. (Rev.) *Gubernskaia vlast i slovesnost: literatura i zhurnalistika Saratova 1920-kh gg*. Pod red. E.G. Elinoi, L.E. Gerasimovoi, E.G. Trubetskovoii [County Rule and Language Arts: Saratov Literature and Journalism. Ed. E.G. Elina, L.E. Gerasimova, E.G. Trubetskova]. Saratov: Izd-vo SGU Publ., 2003. 428 p. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review]. 2005, No. 3(73), p. 59. (In Russ.)
 10. Khrustaleva, A. V. *Provintsialnaia pechat i tsenzura v gody NEPa (na primere Saratovskoi, Samarskoi gubernii i ASSR NP)* [Provincial Printing and Censorship during the NEP Years (In the Context of Saratov, Samara County and Volga German ASSR)]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, No. 3, pp. 392–411. (In Russ.)
 11. *Iz arkhiva Gosizdata v OR IMLI RAN. Vstup. st. Moskovskaia D.S.* [From Gosizdat Archives at Manuscript Department of the Institute of World Literature of the RAS. Introduction by Moskovskaya, D.S.]. *Codex Manuscriptus*. Moscow; IMLI RAN Publ., 2019, pp. 14–41. (In Russ.)
 12. Averbakh, L. *O pometkakh Lenina na statje V. Pletneva* [On Lenin's Remarks in the Article of V. Plentev]. *Na postu* [At the Post]. 1926, No. 5–6, pp. 3–11. (In Russ.)
 13. *Materialy Pervoi Moskovskoi konferentsii proletarskikh pisatelei* [Materials of the First Moscow Conference of the Proletarian Writers]. *Na postu* [At the Post]. 1923, No. 1, pp. 193–195. (In Russ.)
 14. Lelevich, G. *Nam nuzhna partiinaia liniia. Ot Moskovskoi Konferentsii k Vserossiiskomu Sjezdu* [We need a Party Line. From the Moscow Conference to All-Russian Congress]. *Na postu* [At the Post]. 1923, No. 1. pp. 101–108. (In Russ.)
 15. Moskovskaya, D.S. *Proletarskaya literatura kak proekt* [Proletarian Literature as a Project]. *Novoe literaturnoe obozreniye* [New Literary Review]. 2021, No. 5, pp. 80–93. (In Russ.)
 16. *Ustav SAPP* [SAPP Charter]. *Saratovskie izvestiia* [Saratov News]. 1925, 1st (February). (In Russ.)
 17. Serafimovich, A.S. *Chitatel i pisatel. Iz vystuplenii i otvetov na voprosy na vecherakh rabochei kritiki v Leningrade 11–13 fevralia 1927* [Readers and Writers. Based on Addresses and Answers during the Workers Critics Evenings in Leningrad]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 22–23, pp. 49–52. (In Russ.)
 18. Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo pisatelja. Sotsialnye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury*. [Formation of a Soviet Writer. Social and Aesthetic Sources of the Soviet Literature Culture]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 558 p. (In Russ.)
 19. Averbakh, L. *Sovremennaja literatura i ocherednye zadachi VAPPA*. [Modern Literature and New Tasks of VAPP]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1927, No. 4, pp. 63–67. (In Russ.)
 20. Khrustaleva, A.V. *“Ja tozhe khochu rabotat’, uchitsia i zhit”*: perepiska A. Severnogo s A.M. Gorkim [“I also Want to Work, Study and Live”: Letters of A. Severny and A.M. Gorky]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. [Bulletin of Slavic Cultures]. 2022, Vol. 66, pp. 255–261. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262> (In Russ.)
 21. Shafranskiy, D.O. *O nekotorykh politicheskikh i prakticheskikh zadachakh kul'turnogo stroitelstva gubernii*. [On some Political and Practical Tasks of Cultural Development of Counties]. *Kommunisticheskii put* [Way of Communism]. 1928, No. 1, pp. 23–25. (In Russ.)

22. Moskovskaya, D.S. *Federatsiia objedinenii sovetskikh pisatelei kak model literaturnogo protsessa 1926–1932 gg. – organizatsionnaia, finansovaia, ideologicheskai i esticheskai sostavliaiushchie (po arkhivnym pervoistochnikam iz Otdela rukopisei IMLI RAN)* [Federation of Unions of Soviet Writers as the Model of Literature Process of 1926–1932 – Organizational, Financial, Ideological and Aesthetical Components (Based on Archival Sources of Manuscript Department of the Institute of World Literature of the RAS)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Studies]. 2020, No. 6 (November), pp. 135–146. (In Russ.)
23. Moskovskaya, D.S., Romanova, O.V. *Literaturnye kruzhki kak instrument stroitelstva proletarskoi kultury. 1920–1932 gg. (po dokumentam otdela rukopisei IMLI RAN)* [Literary Circles as a Means of Forming Proletarian Culture. 1920–1923 (based on documents of manuscript department of IWL RAS)]. *Vestnik slavianskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2021, Vol. 61, pp. 189–198.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-189-198> (In Russ.)
24. Lelevich, G. *Ot Tatiany Larinoi k Dashe Chumakovo* [From Tatiana Larina to Dasha Chumakova]. *Saratovskie izvestiia* [Saratov News]. 1927, 8 March, p. 3. (In Russ.)
25. Averbakh, L. *O tselostnykh masshtabakh i chastnykh Makarakh* [About Holistic Scales and Private Makars]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1929, No. 21–22, pp. 11–17. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023

Revised on December 7, 2023

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024